

Имена

Станислав Мелешин

Судьба Станислава Мелешина вполне могла стать основой увлекательного романа: обычный мальчишка из рабоче-крестьянской семьи благодаря своему таланту и упорному труду становится известным литератором. В реальности же история Мелешина гораздо сложнее и драматичнее.

Главное дело жизни

Герои его произведений всегда находились в поиске нравственных ценностей

Будущий писатель родился в небольшой деревушке в Пензенской области и при рождении был наречён Владимиром. Когда ему исполнилось три года, отец заболел на Магнитострой и переехал на Урал вместе с женой и пятерыми детьми. Жили Мелешины трудно, небогато. Владимир пас скот на мясокомбинате, работал электриком и художником-оформителем в местном драмтеатре и даже какое-то время актёрствовал. В этот период он делает первые шаги в литературе.

Поначалу он представлялся читателям как Всеволод, так как среди магнитогорских поэтов уже был один Владимир Мелешин, а став видным писателем-прозаиком, он сменил прежнее имя-псевдоним на Станислава. В 1947 году Мелешина призвали в армию. Будущий писатель оказался на Северном Урале. В свободное от службы время он стал

изучать жизнь и быт коренного населения – манси, что вылилось в небольшие повести и рассказы, которые печатал альманах «Уральский современник», а чуть позднее появился первый сборник «Семья Тасмановых», героями которого были манси. Читатели и критики восприняли книгу с интересом. Именно тогда он понял, что главное дело его жизни – литература.

Дальнейшая жизнь и творчество Станислава Мелешина были связаны с Уралом и Магниткой, поэтому не удивительно, что главной темой его произведений стали люди труда: металлурги, строители, колхозники. Писатель умел раскрыть душевную красоту рабочего человека, показать широту его натуры.

В 1958 году Станислава Мелешина приняли в ряды Союза писателей СССР. Он много работает, печатается. Часть его произведений переводит-

ся на иностранные языки. В Магнитке он жил «набегами», постоянно курсируя между Москвой, Екатеринбургом и Челябинском. Приезжая в родной Магнитогорск, с удовольствием выступал на заседаниях городского литобъединения, читал свои стихи на местном радио.

Сложной и противоречивой была личная жизнь писателя, вспоминали знакомые Мелешина. На своём жизненном пути он встретил Марию Окуневу. В произведениях «Эти двое в метель» и «Разлука живёт на вокзале» Станислав Мелешин раскрыл образ любимой, мудрой женщины, которая помогала ему в нелёгком литературном деле. Она была первой, кому он нес свои рукописи на строгий суд.

Мелешин ушёл из жизни в 56 лет. Проводить его в последний путь пришли коллеги по писательскому цеху и многочисленные читатели.

Рассказ

Станислав Мелешин

Всё население стойбища столпилось возле юрты, пытаясь заглянуть внутрь. Оттуда доносился плач новорождённого.

Рождение ребенка в далёкой мансийской деревне издавна считается важным событием. Появление нового человека отмечается на празднике, в котором принимает участие всё население. Отец новорождённого показывает ребёнка гостям, принимает подарки: полное снаряжение охотника, если новорождённый – мальчик, или красивую дорожную одежду для девочки – и учтиво просит старых почётных людей, чтобы они нарекли ребёнку имя и предсказали будущее.

Поэтому собравшимся возле юрты хозяина оленеводам, рыбакам и охотникам есть о чём поспорить в настоящую минуту. Вот только никто не знал – мальчик родился или девочка, а главное – имеет ли их обычай силу? Ребёнок родился от русской матери, молодой учительницы, приехавшей на стойбище в прошлом году к жениху – знатному оленеводу Илке Кусимо!

Старики дымили трубками и глубокомысленно качали головами. Даже они, к которым молодёжь относилась с уважением, преклоняясь перед их мудрой старостью, не могли решить этого вопроса. Ведь жена манси – русская! Илка Кусимо совсем не думал о древнем обычае, когда женился!

И только старый охотник Баракыч, который совсем недавно подстрелил двух медведей, немного успокоил всех, мудро рассудив:

– Раз ребёнок родился от учительницы, то и он будет учителем! Ай, как хорошо! Два учителя будут! Ребёнок упал не с неба, а появился на свет в нашем стойбище, значит, обычай дедов имеет силу. Вот как! Священное право отца требует, чтобы мы придумали ребёнку имя и приготовили подарки!

Вот только не мог мудрый Баракыч, как он ни гадал, зажмурив глаза, сказать людям: мальчик родился или девочка. Он боялся, чтоб люди не потеряли веру в его мудрость.

– Гадай не гадай, – сказал он, кланяясь, – а уж это верно, что ребёнок родился! Ну, и хорошо!

Но откуда теперь соседи будут знать, какое придумать имя и для

Гражданин без имени

кого готовить подарки? Стали просить Баракыча, чтобы он постучал в дверь юрты и узнал у Илки Кусимо, кого родила ему жена, но мудрый старик категорически отказался, боясь потревожить священный покой матери.

Илка Кусимо – отец новорождённого, только что приехавший из дальнего становища оленей, сидел у чучала, кипятил воду, подбрасывая в огонь сухие поленья.

Вчера, уезжая из района с поручением от председателя оленеводческого совхоза – переменить стоянку оленьего стада и перегнать его на новые пастбища, он захватил с собой врача Наталью Владимировну Назарову. Илка всю дорогу беспокоился о жене Валентине, у которой должны были начаться роды. Остановив оленей у юрты, он помог врачу сойти на землю и только успел сказать ей:

– Пусть будет сын, мальчик! Назарова покачала головой и усмехнулась:

– Не всё ли равно! ...Родился мальчик, крепкий, здоровый. Он лежал в юрте за перегородкой из оленьей кожи на чистой белой простыне, болтая ногами и по-своему приветствовал свое появление на свет. «У-а-а! У-а!» А рядом с ним роженица, ревниво наблюдая за каждым его движением. Она, в первый раз пережившая столько бессонных ночей, ещё не могла привыкнуть к покою и, вспоминая прошедшие муки, вздрагивала и сдерживала своё учащённое дыхание. Присматриваясь к плачущему ребёнку, она почувствовала, что сердце её наполняется тёплой материнской лаской. Вздохнув, она взглянула на врача. Наталья Владимировна присела к изголовью матери и тихо сказала:

– Вот какие мы молодцы! ...Илка Кусимо, слушая крик новорождённого, от радости и волнения пощипывал бородку и, прищурив глаза, старался различить по голосу ребёнка – мальчик это или девочка. Древнее предпочтение мужчине сказывалось в его желании иметь мальчика, достойного быть преемником отцовской славы, знатного оленевода. Илка беспокойно ждал,

когда выйдет из-за перегородки Назарова.

Год назад в городе на краевом слёте ударников он встретился с молодой учительницей Валей, приехавшей на Север по путёвке комсомола. Наталья Владимировна познакомила их, а через неделю учительница прибыла на стойбище в новую школу. Вскоре Валя и Илка Кусимо поженились.

На стойбище население встретило молодую жену без особой радости, несмотря на уважение к Кусимо. На то была своя причина. Кажется, недостатка невест среди девушек-манси не было, и Илка Кусимо мог выбрать среди них достойную себе. Все девушки стойбища умели охотиться, ловить рыбу и ездить на оленях. А русская Валя не умела ни стрелять, ни плавать. Но любовь детей к своей умной учительнице, умевшей рассказывать интересные сказки, объяснять явления природы, научившей их писать и читать, постепенно передалась и взрослым.

Дети читали родителям газеты, писали письма родным, учили взрослых считать до ста и больше, потому что много песцов и белок добывали охотники, и даже мудрый Баракыч сбивался со счёта, – и старики соглашались, что учительница делает доброе дело. А научиться плавать, охотиться и ездить на оленях помог Вале Илка. Теперь старики уже почтительно кланялись ей при встрече.

Из-за перегородки медленно, снимая халат, вышла Назарова. Илка взволнованно поднялся ей навстречу.

– Сильно кричит! Звонко, – сказал Илка и, утирая кулаком непрошенные слёзы, виновато посмотрел ей в глаза.

Наталья Владимировна положила руку ему на плечо и улыбнулась знакомой доброй улыбкой.

«Утром она сказала «не всё ли равно», – что-то сейчас скажет?» – подумал Кусимо и осторожно положил её руку себе на грудь. Сердце его учащённо билось.

– Родился мальчик! Илка радостно вскрикнул и заметался по юрте в поисках подарка.

– Спрошу у моего сына! – ударив себя в грудь, сказал ожидающим Баракыч и удивился поднявшемуся хохоту.

Дёргая его за малицу, люди обступили старого охотника со всех сторон и продолжали смеяться.

– Мудрый Баракыч, как же ты не догадался, что родился мальчик! Кусимо не сказал ведь: «Спроси у своей дочери».

– Тсс! – несколько не смущаясь, угрожал им пальцем Баракыч. – Уходите по домам! Берегите священный покой матери!

Дверь закрылась. А ребёнок продолжал тянуть однообразную радостную песню «у-а! у-а», не сознавая, что это он, кричащий во всю силу своих лёгких, явился предметом столь оживлённых разговоров. Едва прорезавшись глазами он смотрел в потолок, смешно взмахивая руками, как бы требуя чьей-то заботы и ласки, и потом внезапно умолк.

– Ну, теперь можно его посмотреть! – строго сказала Наталья Владимировна, разглядывая встревоженное лицо молодого оленевода. – Принимай, Илка, нового гражданина в целостности и сохранности! Да не забудь сказать «здравствуй» матери.

Северный Урал. 1952

